Г. ЗИНОВЬЕВ

РУРСКИЕ СОБЫТИЯ
И
ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ»
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ — МОСКВА — 1923

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ

РУРСКИЕ СОБЫТИЯ

И

ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ — МОСКВА — 1923

2-я типография
Московского союза
потребительских обществ.
Москва, Мясницкий пр., № 2,
телефон 1-54-45.

Главлит, № 6860. Печ. 4000 экз.

События, которые разыгрываются перед нашими глазами в Руре, несомненно, имеют всемирно историческое значение. Можно сказать без преувеличения, что январьские недели 1923 г. будут иметь столь же крупные исторические последствия, как начало августа 1914 года, т. е. дни, когда началась первая всемирная империалистическая война. Нельзя предсказать, чем непосредственно кончатся Рурские события. Очень может быть, что они не вызовут непосредственно новой войны. Как будто в последние дни чаша весов склоняется в сторону мирного исхода. Вместе с тем не подлежит никакому сомнению, что в более или менее отдаленном будущем, скорее менее отдаленном, эти события с неизбежностью приведут к новой войне. Нет также сомнения в том, что эти события в неслыханной степени ускоряют назревание международной революции. Русско-японская война в свое время не означала непосредственно еще революцию. Но, несомненно, когда мы говорим теперь об истории нашей революции, о нашей первой революции полуудавшейся, которая с перерывом в 12 лет привела ко второй удавшейся революции, мы говорим, что исходным пунктом этой революции, была русско-японская война. В таком же смысле, несомненно, через ряд лет о Рурских

событиях будут говорить, как об исходном пункте новой империалистской войны,—и второй ступени международной пролетарской революции.

Когда началась империалистская война 1914 г., или еще раньше в прежних войнах, в которых сталкивались только два государства, нам, марксистам, приходилось при помощи специального анализа подробно доказывать тот факт, что данная война имеет под собой экономическую подоплеку, что в конце концов дело сводится к рынкам и т. п. Если посмотреть на то, что происходит сейчас, то вы увидите большой прогресс в этой области. В самом деле, надо ли быть теперь специально образованным марксистом для того, что бы видеть из-за чего происходят Рурские события? Теперь дело происходит с такой наглядностью, которая не оставляет никаких сомнений. Мы пока не имеем в Германии кровопролитной войны, не имеем сводок со страшными цифрами, которыми пестрели газеты 1914—18 г.г., когда каждый день убивали десятки тысяч людей. Этого пока еще нет. Мы имеем только войну в глухой форме. Но зато причина этой войны выясняется с такой наглядностью, какой раньше не было никогда. 260 тыс. французских солдат уже находятся сейчас в Руре. Под их охраной французские инженеры и промышленники вывозят немецкий уголь. Вот к чему сводится смысл событий. Не нужно никакого ученого аппарата, не нужно диалектики марксизма для того, что бы ясно видеть, из-за чего происхо-

дит ныне борьба. Она происходит из-за того, что французским империалистам надо ограбить немецкий уголь, опираясь на Версальский договор, о котором я буду еще говорить. В смысле причин столкновения дело разыгрывается с такой классической ясностью, что только ребенок не поймет, из-за чего происходит это столкновение. Если вся Европа находится на волосок от войны, если цивилизованные народы Европы, как народы Франции и Германии, находятся на краю пропасти, то это потому, что одна группа капиталистов хочет у другой группы капиталистов и через их голову у другого народа отнять определенный угольный бассейн. Если раньше война происходила из-за передела колоний в отдаленных странах, то сейчас эта борьба разыгрывается на глазах у изумленного человечества, под самым носом у всех нас, в центре Европы, в фокусе Европейских событий.

Конфигурация держав также не оставляет ничего загадочного. В самом деле, Англия находится в союзе с Францией. Тем не менее, она сейчас непосредственно не участвует в захвате Рура, а стоит в стороне. Поговаривали об уводе из Германии всех других войск, кроме французских и бельгийских. Тем не менее, войска эти пока не уведены. Английская буржуазия выжидает. И уже совершенно ясно, что она рассчитывает на два фронта. Если бы французским империалистам удалась их затея, если бы они действительно поставили

на колени нынешнюю Германию, заставили бы ее выполнить Версальский договор, то тогда английская буржуазия скажет, что именно этого она и хотела, что она целиком присоединяется и, разрешивши Германский вопрос, она предлагает перейти к очередным делам—к разрешению Русского вопроса (не Рурского, а Русского, Российского). Если же Пуанкаре завязнет в Рурском бассейне, если ему ничего не удастся сделать, то, вероятно, значительная часть английской буржуазии будет потирать руки от удовольствия и скажет: „Мы же говорили, что крайние меры не допустимы, Пуанкаре запутался". И это будет иметь громадные последствия и для Англии и для Франции, где тогда неизбежна победа левого буржуазно-демократического блока, банкротство, провал Пуанкаре, смена правительства, начало новой полосы буржуазно-пацифистского реформизма и т. д.

Вы знаете, что Франция опирается прежде всего на Версальский мир. Значение Версальского мира было объяснено нами не раз. Но сейчас значение Версальского мира так же стоит перед нами с такой ясностью, как никогда до сих пор. Вы знаете, что в империалистической войне победа досталась Антанте, и, поскольку дело шло об европейском континенте, прежде всего французской буржуазии. Версальский мир, однако, является выражением не только победы определенной группировки на фронтах империалистской войны, Версальский мир имеет еще другую сторону, тесно

связанную с судьбами мировой пролетарской революции. Припомните, в какой обстановке заканчивалась империалистская война. Мы, русские, вышли первые из этой войны, низвергнувши буржуазию, мы первые произвели сначала буржуазную, а потом пролетарскую революцию и вышли из кольца войны. Буржуазная революция в лице тогдашних соглашательских партий пыталась продолжать империалистскую войну: Керенский в июле 1917 года повел армию в наступление. На этом буржуазные соглашательские партии сломали себе шею. Пролетарская революция перешагнула через них и окончательно вывела нашу страну из этого железного кольца. Дальше события развивались так. Победа на фронтах досталась Антанте. В то же время в Германии подымалось пролетарское восстание. Когда мы говорим о Версальском мире, мы должны иметь в виду, что он явился результатом двух коренных причин, двух глубочайших факторов. С одной стороны, дело решалось на полях империалистских битв, где победила Антанта. Другой не менее сильный фактор—классовая борьба, гражданская война, закипевшая в самой Германии. Здесь бросается в глаза разница между германскими соглашателями и русскими. Русские соглашатели, меньшевики и эс-эры, когда власть досталась в их руки, после низвержения царизма пытались продолжать войну. Немецкие меньшевики, когда власть попала в их руки после Вильгельма, ни на минуту не пытались

продолжать войну, а сделали все возможное для того, чтобы немедленно заключить мир. Это объяснялось не только тем, что германские меньшевики научились на уроке русской революции, хотя, конечно, это сыграло известную роль. Но это объяснялось прежде всего большей зрелостью классовых отношений Германии, в этой классической стране рабочего движения. К моменту, когда победа на полях империалистской бойни клонилась в сторону Антанты, к этому моменту внутри Германии закипала гражданская война, начиналось пролетарское восстание. Вы помните восстание, потопленное в крови германских рабочих, кончившееся убийством Либкнехта и Розы Люксембург. Германские меньшевики, германская буржуазия, более зрелая, более организованная, более классово-сознательная, чем наша русская буржуазия, сказали себе: мы побеждены на фронте империалистской войны, это большое зло, но еще большее зло, это то, что в тылу у нас поднимается пролетарское восстание, руководимое коммунистической партией, возглавляемой Розой Люксембург и Либкнехтом. Германская буржуазия и меньшевики сказали себе: перед нами два врага, с одной стороны, буржуазная Антанта, в первую очередь французская, вековечный враг германской буржуазии, с другой стороны—наш собственный германский рабочий класс, его авангард. Мы не можем, говорили они себе, и правильно со своей точки зрения, победить этих двух врагов в одно

и то же время: победить германских рабочих, потопить в крови восстание и в то же время продолжать империалистскую войну. Мы должны сделать выбор—либо мириться с иностранной буржуазией и вместе с ней душить своих рабочих, либо итти на то, что рабочие возьмут страну в свои руки и смахнут нас. Германская буржуазия в союзе с германскими меньшевиками выбрала первый путь и сказала себе: „Пуанкаре наш враг, но Либкнехт еще больший враг. Мы потерпели поражение в первой империалистской войне, нас разбили на фронтах, но это все-таки меньшее зло по сравнению с тем, когда наш рабочий класс нас разобьет“. Вот в результате чего и явился Версальский договор. Они делают вид, что этот договор явился результатом только военных столкновений на полях империалистских битв. На самом деле это не так. Версальский мир—это результат не только победы определенной группировки империалистских держав в первой империалистской войне, это также производный результат гражданской войны в Германии, результат того, что к моменту поражения германской буржуазии на фронтах поднималось пролетарское восстание внутри страны. И германская буржуазия, германская социал-демократия в союзе с ней предпочли соглашение с французской буржуазией союзу со своим рабочим классом.

Если вы припомните события, предшествовавшие империалистской войне, то, мне кажется,

можно провести здесь известную параллель между событиями 1871 г. и событиями 1918 г. В конце 70 года, в начале 71 происходила Франко-Прусская война, между Германией, или как тогда говорили, между пруссаками и французами, кровопролитная война, продолжавшаяся без малого год, война, в которой французы были разбиты наголову. Военное счастье было тогда на стороне пруссаков. Немцы одержали головокружительную победу, даже взяли в плен французского императора. Французы были разбиты наголову. В это время во Франции, в центре ее, в Париже, поднялось восстание французских рабочих, знаменитое восстание парижских коммунаров. И вот в этот момент французская буржуазия также стояла в известном смысле перед той же дилеммой. Она была разбита на полях войны, ее враг—немецкая буржуазия—торжествовал победу, и в то же время в тылу поднималось восстание своих собственных рабочих. Перед нею стояла в меньшем масштабе, с меньшими историческими последствиями, та же альтернатива, тот же выбор, который стоит перед германской буржуазией Французы предпочли заключить тяжелый для себя мир, отдавши Эльзас-Лотарингию, и тут же позвали на помощь против своих же рабочих прусских солдат. И весь мир наблюдал такую поучительную картину: два правительства, два буржуазных класса, французский и германский, которые только что сражались в отчаянной схватке, как только

стало поднимать голову пролетарское восстание в Париже, немедленно помирились, и вчерашний враг французской буржуазии, железный канцлер Бисмарк, поспешил как можно скорей освободить из плена отборнейшие полки французских солдат для того, чтобы занять Париж и задушить пролетарскую революцию, совершившуюся там. Нечто подобное наблюдали мы в 1918—19 году и нечто подобное будем, быть может, наблюдать еще в 1923—24 г.г Не исключено, что эти самые войска, которые занимают сейчас Рур, будут занимать Берлин и будут занимать Берлин на деле по приглашению германской буржуазии и германских меньшевиков, как это было в 1871 году по отношению к Парижу. Вот почему мы Версальский мир и все последствия, которые наблюдаем, можем понять только в том случае, если будем смотреть на них не только как на результат военного столкновения на полях войны, но как на результат развития событий классовой борьбы в решающих странах рабочего движения, в Германии прежде всего.

Разве в 1917 году у нас в России положение не было во многом такое-же? Перед нашей октябрьской революцией главный довод большевиков за немедленный захват власти и низвержение Керенского—это напомнил недавно т. Троцкий—был какой? Мы говорили Советам: если вы не возьмете власти в свои руки, то господа кадеты при попустительстве эс-эров и меньшевиков сдадут

Петроград. И к этому подводил Родзянко, когда он был у власти. Родзянко и К° собирались сдать Петроград. Керенский собирался эвакуировать Петроград по взятии Риги и островов Эзеля и Даго. Они хотели дать возможность немцам взять Петроград, разгромить Петроградских рабочих, а с немцами мы-де как-нибудь помиримся, рассуждали они. Это был правильный классовый расчет. Русская буржуазия с немцами помирилась бы в два счета. Они дали бы разгромить нас, был бы разгромлен главный центр пролетарской революции, а потом помирились бы при помощи контрибуций и т. п. Немцы все равно недолго продержали бы Петроград в своих руках. Примерно такое же положение существует ныне в Германии. Немецкая буржуазия и меньшевики предпочтут десять раз сдать Берлин французской белой гвардии, чтобы еще раз задавить, если понадобится, пролетарское движение в Берлине, как это им фактически удалось в 1919 году, когда убивали Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Французских солдат, правда, не было тогда в Берлине, это проделали собственными усилиями господа германские белогвардейцы и меньшевики. Но и тогда была известная кооперация, сотрудничество с французской буржуазией. Они только что были в драке, и французская буржуазия дала известную передышку, она заключила с ними, хотя и шейлоковский, Версальский мир для того, чтобы развязать им руки против своих германских рабочих.

Только на основе сговора с французскими капиталистами немцы могли приступить к обезглавлению восстания германского пролетариата. Так и только так можно понять нынешние события.

Только тогда можно понять тот сложный переплет, который мы сейчас наблюдаем в Германии. Германское правительство как бы организует маленькое сопротивление, но германское правительство и социал-демократия в данный момент оказываются вовсе не патриотами. Когда им надо было вести империалистскую войну, увлечь на это миллионы рабочих, о, тогда весь буржуазный аппарат, весь социал-демократический аппарат меньшевистских профсоюзов горел патриотизмом, заражал рабочих, которые находились под их влиянием, чтобы вести их на поля битвы. Я помню тогдашнюю прессу германской социал-демократии и профсоюзов, которая от первой до последней точки была направлена к тому, чтобы заставить рабочих итти в армию Вильгельма, поднять энтузиазм и повести десятки тысяч и миллионы на поля битв. Сейчас не то. Сейчас дело идет ни шатко, ни валко. Какая-то собачья старость. Сейчас с.-д. не решаются стать даже во главе своей национальной борьбы, призвать пролетариат под ружье. Почему? Потому, что происходит не только столкновение двух буржуазных классов, а потому что германской буржуазии приходится каждую минуту оглядываться назад на своих рабочих, помнить каждую минуту, что если события разы-

граются, то германский рабочий класс перешагнет через них и пойдет к цели, которую начертал в 18 г., но не добился Карл Либкнехт. Это значит, что мы имеем перед собой не только столкновение двух государств, но внутри каждого из этих государств происходит глубокая классовая борьба, которая определяет, в свою очередь, все эти события. Германские меньшевики, германская социал-демократия, конечно, воспользовались этим случаем для того, чтобы еще и еще раз изменить рабочему классу. Вы знаете, что они сейчас на все попытки коммунистов организовать единый фронт отвечают упорным молчанием. Они пытаются расхолодить своих рабочих. Они не дают возможности организовать какое бы ни было движение. Они призвали ограничиться смехотворной траурной демонстрацией на четверть часа. Они целиком поддерживают свое буржуазное правительство Куно, а кое-где выступают даже более умеренно, чем сама буржуазия, говоря: давайте-де заплатим то, что требует французская буржуазия, но только успокоим кризис.

С другой стороны, в высшей степени важно понять поведение французской буржуазии. Французская буржуазия отдает себе отчет в том, что она поставила очень крупную ставку в Руре. До нас доходили сведения вчера и позавчера из очень серьезных источников, что в силу непосредственной экономической неудачи Рурского захвата, даже наиболее непримиримая часть Французов, возглавляемая Пуанкаре, начинает искать благовидный предлог к тому, чтобы ретироваться. Мы еще не смогли проверить эти слухи, но это весьма возможно, ибо в конце концов непосредственных выгод Франция пока не получила. Угля она стала вывозить все меньше и меньше, и французская буржуазия вынуждена закупать уголь в Англии. Пожалуй, скоро им придется прикупать уголь у нас в Донбассе, если дело пойдет так, что они друг друга будут саботировать, работа будет останавливаться и там и тут. Марка падает с головокружительной быстротой. В то же время французский франк, главная гордость Пуанкаре, в силу его блестящих операций в Руре, упал на 13%. Они уже выставили 260 тыс. солдат и должны эту армию еще увеличивать. Продовольственный кризис в Германии, не только в Руре, но по всей Германии обострился. Дело там подходит к тому, что начнут вводить карточки на хлеб, и опять таки, может быть, в этом году им придется у нас закупить хлеб. И мы вероятно сможем, в особенности, если это будет для германского рабочего правительства, гарантировать серьезную помощь хлебом. Пролетарскую революцию в Германии нельзя теперь напугать тем, что она останется голодной. Пролетарская революция в Германии может рассчитывать, что в нынешнем году получит хлеб у русских рабочих, если это понадобится.

Товарищи, положение в данный момент такое, что финансовое хозяйство в Германии расстроено вконец. Финансовое хозяйство Франции расстраивается изо дня в день. Французская буржуазия рассчитывала получить больше угля, но получает меньше. Шахты в Рурском бассейне начинают напоминать картину печальных дней нашего Донбасса. Продовольственный кризис в Германии обостряется с величайшей быстротой. Блок между английской и французской буржуазией сильно поколеблен, и друг французской буржуазии – Англия выжидает только того момента, когда сможет злорадно потирать руки от удовольствия. Французская буржуазия, тоже дальновидная буржуазия, гораздо умнее, грамотнее, организованнее и опытнее в смысле политическом, чем была русская буржуазия. Она знала, какую ставку ставит, и тем не менее пошла на это. Чем это объясняется? Опять таки это можно понять только тогда, если обратиться к внутреннему соотношению сил во Франции. Да, французская буржуазия одержала победу в империалистской войне. Она хвастала на весь мир и на всю страну, что если-де разобьем немцев, то запляшут лес и горы. Немцев разбили, но непосредственных выгод, материальных благ из этой победы французский народ получить не мог и не получил. Больше хлеба у них не стало, больше денег также не стало. Финансовое банкротство Франции подкрадывается к этой стране два года. Вот уже два года, как дальновидные политики во

Франции, в том числе и некоторые представители левого блока, во главе с знаменитым Эрио, который так любезно был принят у нас в Петрограде и в Москве и отплатил не менее любезным приемом нашему товарищу Малышеву в Лионе,—этот Эрио, не говоря уже о знаменитых представителях буржуазии, видит, что финансовое банкротство подкрадывается к Франции, по той причине, что во время империалистской войны она как в прорву высыпала огромное количество золота, потерпела громадное количество жертв. Французская деревня была обезлюжена, французская армия, которая также в значительной мере крестьянская армия, оставила на поле битвы более миллиона убитых. Французский крестьянин накопил бумажек, но материальных благ у него осталось меньше: лошадей нет, скота нет, людей тоже нет—нет рабочей силы. Империалистская война раззорила не только побежденные государства, она раззорила также государства, победившие в этой войне. И французская буржуазия находилась перед выбором: сегодня обещать, завтра обещать, но народ требует, мелкая буржуазия, на которую опираются эти господа, ждет, чтобы ей показали, какие выгоды она получила от войны. Сначала говорили: мы вам вернем государственные долги, которые числятся за Россией. Это им не удалось ни путем войны, ни путем дипломатических переговоров. Французская буржуазия ясно видела, что она опускает хвост в прорубь, когда отправляется в Рур, что она мо-

жет примерзнуть на наших январьских морозах. Она ясно отдавала себе отчет, что погружает палец в кипящий котел, что она страшно осложняет положение, завязывает узел, разрубить который будет трудно, что она рискует головой.

Она знала прекрасно, что войска посылает не в центральную Африку, а в центр Европы, в то место, где происходит смычка двух самых культурных народов Европы—народов Франции и Германии. Эти опасности были ей ясны и тем не менее она на это пошла, ибо другого выбора не было, ибо французская реакционная буржуазия иначе не может держаться у власти. Во Франции рабочее движение поднимается все выше и выше. Хотя дело еще не дошло до восстания, как в 1919 году в Германии, но настроение растет. Французский рабочий класс организуется. Крестьянство выражает громадное недовольство. Оно разорено победоносной войной. Германский крестьянин, германский рабочий сравнительно легче может примириться. Он говорит себе: „я разорен, ибо моя страна побеждена в войне". Но во Франции получается такой парадокс: „я разорен, потому что моя страна победила". Мелкая буржуазия подхлестывает крупную, стоящую, можно сказать, на ее плечах, и заставляет ее делать подобные сальто-мортале, подобные смертельные прыжки, какой сделал Пуанкаре. Но другого ему делать не оставалось. Финансовое положение ухудшается с каждым днем, внутреннее положение также, и

получалось, что либо он должен задушить немцев и снять с них последнюю рубашку, разделив ее между французской мелкой буржуазией, либо внутренние противоречия, классовая борьба в его собственной стране будут становиться все более острыми. В результате этого французская буржуазия была вынуждена на подобный шаг. Пуанкаре и К° должны были предвидеть тот полусаботаж, который сейчас организуется. Они должны были предвидеть ту дипломатическую изоляцию, в которую они сейчас попали. Но все-таки ничего другого им не оставалось. Дело приняло сейчас такой оборот, что в центре Европы, где живет самая культурная нация, хозяйничают черные африканские войска. Вы знаете, что Франция послала сейчас в Германию черные войска. Они избивают женщин на площадях культурных городов Германии. Пока это не приводит к непосредственной вспышке революции. Но каждому ясно, что такое положение чревато крупными последствиями. Невозможно, чтобы надолго было такое положение, при котором по культурным городам прогуливались бы черные войска, отбросы французского офицерства и совершали с германским народом, что им хочется. В данный момент получилось как бы полуравновесие, вызванное тем, что во главе германского народа стоят буржуазия и меньшевики, которым хочется и колется. Они не любят французских капиталистов, но еще больше боятся своего рабочего класса. Таким образом, и полу-

чается пока равновесие. Во Франции еще не окончательно доказано, что Пуанкаре провалился, мелкая буржуазия ожидает, авось в Рурском бассейне нагрузят уголь и привезут его во Францию. Получилось полуравновесие.

Может быть, в ближайшее время это не приведет непосредственно к войне, может быть, они найдут тот или иной компромисс, но во всяком случае эти события чреваты крупными последствиями. Но целый ряд более мелких государств уже зашевелился. Венгерская буржуазия, румынская, юго-славская, польская, везде происходит мобилизация. В то же время в Италии разыгрываются события. Международный фашизм организовывается, он выставляет сейчас программу максимума. Международная реакция, которая находится сейчас в победоносной позиции, решает, задушив Германию, приступить к тому, чтобы задушить нас. В этом смысле эти события касаются нас непосредственно. Они говорят—если черные африканские войска могут в Кельне и др. городах Германии избивать рабочих и работниц и даже представителей оппозиционной буржуазии, если на то пошло, что если можно распоясаться до конца, то почему они не смогут задушить и рабочих в Петрограде и Москве. Вот их программа-максимум. Конечно, есть многие такие, которые говорят: если даже мы займем всю Германию, займем Берлин, то придется там держать миллионную армию, т.-е. придется пережить в большом мас-

штабе то, что пришлось пережить Вильгельму в сравнительно маленьком масштабе на Украине, когда нужно было каждую рельсу охранять немецкими солдатами и когда, в конце концов, все стало враждебным немецким солдатам, когда дети украинского крестьянина пускали красного петуха немецкой армии и, заставши спящего германского офицера, старались его зарезать, и были правы. Иные из реакционеров говорят: если мы в Германии создадим такое положение, то это потребует от нас миллионов войск и мы завязнем так, что едва ли удастся, перешагнувши германскую границу, пойти еще и на Россию. Но есть часть буржуазии типа Муссолини и Пуанкаре, которая говорит: иначе через один—два года все равно пробьет час пролетарской революции. Есть значительная часть белогвардейской фашистской буржуазии, которая говорит: „это тяжелый исход, но другого исхода нет. Если мы будем ждать, если не пойдем на Берлин, если не будем итти дальше, тогда берлинский пролетариат пойдет не сегодня — завтра на нас, и Россия пойдет на помощь берлинским рабочим“. Борьба между этими двумя группами буржуазии неминуема. Все содержание политической истории последних годов заполнено борьбой этих двух групп буржуазии, заполнено колебаниями между этими тактиками. Одна часть буржуазии, которая возглавлялась Ллойд-Джорджем, пыталась путем примирительным, реформистским, путем полумер обойти трудности нынешнего

положения и выйти на новую дорогу капиталистического развития без особых потрясений. А другая часть буржуазии отвечала Ллойд-Джорджу и его единомышленникам: твой путь соблазнителен, но невозможен, ты опоздал, потому что есть Коминтерн, есть русская революция, есть развитие пролетарского движения в Германии и Франции, поэтому теперь дело стоит так: либо мы грубыми мерами насилия раздавим важнейшие очаги пролетарского движения во всех странах, либо эти очаги, окрепнув, отсидевшись за спиной Советской России, завтра встанут и пойдут на нас". Такие колебания в лагере буржуазии неизбежны при нынешнем классовом переплете, при нынешнем соотношении сил. Вполне естественно, что сейчас в связи с занятием Рурского бассейна в целом ряде стран у власти становится фашистская часть буржуазии, которая держит курс на то, чтобы, раздавивши Германию, перешагнуть через нее и поставить на очередь разрешение русского вопроса. Вот почему Рурские события касаются Советской власти не только потому, что мы являемся частью международного рабочего класса, не только потому, что мы являемся сторонниками и зачинщиками международной пролетарской революции, но эти события затрагивают нас и непосредственно с нашей точки зрения. Россию пытались задушить всячески. Это не удавалось. И теперь делается попытка ва-банк, в открытую. Они долго колебались, раньше чем послать черные войска в города

Германии. Это значит подливать масло в огонь, раскладывать грандиозный костер в центре Европы. Они это знали, и они на это пошли. Теперь все маски сорваны. Триста тысяч солдат грабят чужой уголь, отрезывают провинции, хотят занять Берлин, а вы знаете, что Берлин поближе к Парижу, чем Архангельск. Этим объясняется то, что наш народ, наши рабочие инстинктивно почуяли, какое отношение эти события имеют к нам. Вы знаете, что в целом ряде городов рабочие реагировали на эти события живейшим образом: мне говорили, что наши железнодорожники в одном месте стали даже организовывать международный отряд и записывались—беспартийные железнодорожники: пойдемте, дескать, бить французов. Это несколько наивная затея, но однако, она характерна. Пока еще рано организовывать этот отряд и итти бить французов, т. е. французскую буржуазию, но железнодорожники правы, когда начинают в этом направлении размышлять. Они правы, потому что им придется бить и французов и немцев, т. е. французскую и немецкую буржуазию. Если год, два—три тому назад, иногда в какой нибудь праздничной речи мы мечтали о том, что лучшим русским коммунарам придется биться в европейских столицах, если тогда это могло казаться только эффектной фразой, то теперь это совершенно ясно чувствуется: это не фраза, это не просто отдаленная перспектива, это н е и з б е ж н о с т ь. И перед теми коммунарами,

которым придется прожить еще пару-другую лет, этот вопрос встанет, им придется защищать свою революцию и революцию рабочего класса вообще в ближайших столицах других государств. Уже сейчас буржуазное государство надвигается на нас и мы надвигаемся на них, даже тогда, когда мы не воюем. И именно тогда, когда мы не воюем, мы, как социалистическое государство, больше всего надвигаемся на них. В годы голода мы неособенно надвигались на них, даже кое-где мы тогда служили отпугивающим примером для рабочих других стран. Это надо сказать теперь прямо. В 21—22 г.г., когда начался голод на Волге, мы должны были обратиться к рабочим других стран, чтобы они помогли нам. Социал-демократы в своей стоустой печати, при поддержке еще более многочисленной тысячеустой буржуазной печати, использовали голод как пример чтобы отпугнуть средние слои рабочего класса от революции вообще. Они говорили: вот видите, 4 года Советская власть а у них голод, едят человеческое мясо, обращаются к вам за помощью, просят копеечку, просят милостыню. И средний слой рабочих, мало искушенный в борьбе, прислушивался к голосу меньшевиков, социал-демократии и буржуазии. В 21 г. мы, как социалистическое государство, не так надвигались на Европу, они кое-где могли эксплоатировать наше положение, сделав нас чудищем, отпугивающим от революции. Когда прошли трудные времена, а они прошли, раз наш хлеб стал це-

ниться 50 коп. на золото пуд, с момента, когда мы стали входить в полосу хозяйственного оздоровления, с момента, когда мы демобилизовали нашу красную армию, с этого момента грозный, красный призрак из России более решительно надвинулся на буржуазию, чем когда мы имели 8 мил. армию. Тогда они говорили—они (т. е. мы) надрывают последние жилы, мобилизуют все и вся и не сегодня—завтра падут. Теперь они не могут этого сказать, потому что всякий знает, что положение рабочих в Германии с каждым днем ухудшается, а в России оно с каждым днем, хотя медленно, хотя туго, но все-таки улучшается. Хозяйство в целом ряде других стран разрушается, Рурские события—классический образец. а в Советской России хозяйство с каждым днем, хотя медленно, хотя туго, но поднимается. Этим фактом мы надвигаемся на буржуазную Европу вплотную. Мы надвигаемся на них и при миролюбивом настроении нашей дипломатии и нашей армии. Вот почему эти события ставят на очередь вопрос о том, как мы будем сражаться в столицах других государств.

Вы знаете, что опять как бы нарочно события разыгрались так, что за пару недель до Рурских событий в Гааге была международная конференция, созванная 2-м и $2^1/_2$ Интернационалом и меньшевистскими профсоюзами для „борьбы против войны". В Гааге они произносят громкие фразы относительно того, что они объявят всеобщую

стачку и т. д. Двум нашим гонцам — товарищам Радеку и Лозовскому удается проскользнуть на эту конференцию, и там они говорят им в упор: вы—мошенники, вы никакой стачки не устроите, вы занимаетесь языкоблудием, мы не просим вас устраивать всеобщую стачку, организуйте хоть минимальную борьбу против наступления капитала. Собравшаяся там международная меньшевистская шваль, начиная с Вандервельде и кончая Гюисмансом,—эта шваль, пользуясь тем, что она в своей компании, а наших только два человека, набрасывается на наших со всем пылом негодования, на которое только способны их ущербленные, мещанские душонки. Не проходит и двух недель после окончания Гаагской конференции, эта конференция расходится, и французская фашистская буржуазия при поддержке французской социал-демократии и бельгийской, ибо бельгийские солдаты также занимают Рурский бассейн, и Вандервельде, который защищал белых эс-эров, бельгиец, бывший министр Бельгии,—войска Франции занимают Рурский бассейн. И эти господа оказываются в сетях. Никто не борется сейчас, кроме коммунистов. Сейчас в занятых областях необходима нелегальная борьба. Это понятно, потому что французские генералы объявили военное положение. И наши товарищи одни героически и мужественно, не останавливаясь перед жертвами, начинают нелегальную работу среди войск, оккупировавших Рурский бассейн. Передо мною первые нелегальные листки,

полученные оттуда. Там издано обращение к солдатам, где на одной стороне по французски, а на другой по-немецки написано, оно издано коммунистами. Вот это есть революционная работа. Вот это есть та работа, которую мы в России выполняли, когда нас начинали окружать войска германского империализма. Конечно, эта работа потребует величайших жертв. Целый ряд лучших работников французской коммунистической партии и революционных профсоюзов посажены в тюрьму. Это товарищи, которые вчера были в стенах нашего города и в Москве—товарищ Кашен, Монмуссо и другие. Все эти товарищи сейчас находятся в тюрьме Французский парламент выдал Кашена громадным большинством голосов.

И только самая небольшая часть, так называемая демократическая буржуазия на всякий случай воздержалась или голосовала против, сознавая, что сегодня председатель французского буржуазного правительства послал Кашена в тюрьму, а завтра, быть может, роли обменяются и Кашен посадит в тюрьму французских капиталистов. Часть буржуазии так называемого левого блока трепещет, боится провала в Руре, боится банкротства затеянной экспедиции и на всякий случай прячется в кусты. Но громадное большинство, громадная реакционная масса целиком стоит против коммунистов и уже начала меры преследования.

Во французской коммунистической партии происходит сейчас отбор настоящих коммунистичес-

ких элементов от тех, кто туда затесался по недоразумению. На четвертом конгрессе мы говорили, и это оказалось правдой: когда дело дойдет до первых боев, тогда мы увидим, кто настоящий коммунист, и тогда отделится действительно пшеница от плевел. Тогда мы увидим, кто уйдет, кто останется. Через это сито сейчас просеиваются люди, которые прежде зря входили в коммунистическую партию. Некоторые из бывших вождей, во главе с Фроссаром, которого мы имели удовольствие видеть, в этот момент ушли. И—скатертью дорога! Те, которые сейчас ушли из французской коммунистической партии, показали на деле, что они против пролетарской революции и коммунизма. События развиваются там в высшей степени быстро. Совершенно недавно мы видели в Москве старика Фердинанда Фора, полуменьшевика, который почему-то считал себя коммунистом. Не успел он вернуться во Францию, как он стал прямым лжесвидетелем против Кашена. Они подняли там шум из-за речи Бухарина. Сейчас во всей международной буржуазной печати самым страшным империалистом слывет тов. Бухарин. Это факт. Он защищал проект программы Коммунистического Интернационала на Конгрессе и сказал между прочим: „защита отечества“ это был лозунг предательский, когда у власти стояла буржуазия, но когда у власти стоит пролетариат, как у нас, тогда мы защищаем наше пролетарское отечество; больше того, для защиты нашего пролетар-

ского отечества мы согласны использовать одну группу буржуазии против другой. Это наш долг. Кругом нас десятки буржуазных государств, все они нас ненавидят, и если мы часть из них можем использовать для того, чтобы столкнуть их лбами, это наш долг. Эта речь Бухарина была сначала подхвачена такими людьми, как Фердинанд Фор. Он приехал во Францию и сделал открытие, что он видел в Москве красного империалиста Бухарина. Он занялся маленькой полемикой внутри партии, как будто невинного характера. Прошла неделя, и эта полемика, поднятая им, сейчас является главным содержанием обвинительного акта против Кашена. Обвинительный акт составлен прокурором буржуазной французской республики, у них прокуроры не глупее наших Камышанских, а поумнее. И все-таки в этом обвинительном акте у них не нашлось против Кашена ничего другого как речь Бухарина. Таким образом, ясно на маленьком эпизоде, в какую неразрывную связь мы сплелись с рабочими других стран, каким образом мы во всех отношениях в центре событий, каким образом вокруг нас, вокруг нашей Республики, вертятся эти основные события.

Нас они непрочь втянуть в войну преждевременно. Мы хотели и хотим, как советское государство, как можно более длительного мирного периода, выражаясь словами тов. Ленина,—передышки. Мы хотели и хотим как можно большее количество лет выиграть для того, чтобы поднять

наше хозяйство, чтобы крепко стать на ноги. И наша основная стратегия заключается в том, чтобы по возможности оттянуть момент, когда нас вновь силою заставят защищать себя перед натиском империалистской буржуазии. К этому сводится основа нашей стратегии. Пусть они дерутся, если уж иначе не могут, нам же нужен мир. Если события нас когда-нибудь заставят принять участие в войне, то пусть этот момент наступит как можно позднее. Мы первое рабочее государство, вырвавшееся из кольца капитализма, мы хотим мира, мы согласны даже терпеть власть буржуазии, пока она не сгниет, пока рабочие данных стран сами не скинут ее. Мы не идем военным походом на наших более слабых соседей. Мы понимаем, что нужно ждать, пока события созреют внутри каждой страны и сами рабочие данной страны поговорят серьезно со своей буржуазией. Мы не хотим войны и сделаем все возможное, чтобы не допустить ее. Но вместе с тем знаем, что это определяется не одними нами. Если бы в самом деле начал осуществляться тот план, что международный фашизм, шагая семимильными шагами через Германию, раздавивши грудь Германии, хочет перешагнуть к нам, мы вынуждены будем к обороне. Если более мелкие наши почтенные соседи, как Польша, Румыния, Финляндия и пр., если они действительно, пользуясь всемирной катастрофой, которая намечается, ударят на нас, мы, понятно, вынуждены будем к обороне. Наша стратегия — мирная стратегия. Мы остаемся мирным государством, мы имеем терпение, мы не хотим искусственно обострять дело, мы не хотим искусственно подталкивать то, что и так развивается быстро. Наше дело простое: поднимать свое хозяйство и помогать рабочим других стран, чем можно. Вместе с тем мы знаем, что дело зависит не от одних нас. Вот почему мы должны рассчитать так, чтобы, в случае, если бы необходимо было ускорить свою подготовку, чтобы мы имели к этому возможность. Нет сомнения, что из тех событий, которые мы имеем до сих пор, вытекает неизбежно с научной ясностью одна поправка, заключающаяся в том, что события будут развиваться более быстро, чем мы думали. Мы знали, международное положение будет обостряться с каждым месяцем, будет обостряться кризис и расти революция. Но события развиваются еще быстрее, чем мы думали. Чем бы ни кончилось Рурское столкновение сейчас, но динамит заложен глубоко и основательно, костер разложен в центральной Европе, и искры сыпятся во все стороны. То, что произошло сейчас, есть величайшее обострение событий. Поправка, вытекающая из всего этого следующая: иметь в виду, что события развиваются быстрее, чем могли предвидеть даже Коминтерн и Советская власть; обострение противоречий в буржуазном лагере больше, чем можно было ожидать.

Центральной задачей дня является высвобождение средних слоев рабочих из-под влияния со-

циал-демократии. В этом вся задача. Если бы сейчас в Германии социал-демократия не была так сильна, то германский рабочий класс мог бы сделать решающие шаги. Теперь ясно, национальные интересы в подлинном смысле этого слова в Германии кто может защищать? Только рабочий класс! Буржуазия не может защитить Германию. Это совершенно наглядно. Если бы в Германии были сейчас две дивизии немецкой красной армии или две дивизии немецкой красной гвардии, хотя бы и плохо сколоченной, никогда французская буржуазия не послала бы своих солдат. Две дивизии немецкой красной гвардии были бы сильнее, чем нынешнее правительство Куно. Две дивизии красной армии означали бы, что власть в руках рабочего класса, стало быть, послать французские войска туда— было бы опасно. Вот пример: японская буржуазия уводит из Владивостока последние отряды, а французская посылает целую армию в Рур. Весьма поучительно сопоставить эти два события, разыгрывающиеся на наших глазах, они близки друг к другу. Японская буржуазия сильна, почему же она увела свою армию? Потому что кусается, потому что японские солдаты, посланные к Владивостоку и пробывшие там два месяца, возвращались назад нашими друзьями, как это было с французскими и английскими солдатами, которые посылались в Архангельск и в Одессу. Наши товарищи французские матросы Марти и Бадина теперь еще сидят в тюрьме за то, что в Одессе они отказались итти против Совет-

ской России. Японская буржуазия убедилась, что ее войска, когда их посылали на революционную Россию, там заражались нашими идеями. И это даже на отдаленных окраинах. А что мы имеем в Руре? Там два государства с одинаковыми конституциями, они более или менее равны. Там не может быть того пафоса, который получается у нас по отношению к империалистским войскам, там не может быть той заразы, которая не могла не коснуться простых солдат. Вот почему японцы из Владивостока уводят войска перед слабой красной армией, а Франция посылает черные войска в центр Германии. Из этого ясно, как дважды два четыре, что только победа пролетарской раволюции, переход власти к рабочему классу Германии может дать возможность отстоять Германию, как таковую, может дать возможность отстоять национальные интересы германского народа в широком смысле слова. Еще и еще раз доказано, что действительным защитником коренных интересов нации, страны, народа является пролетариат. И вот, товарищи, гвоздь событий в том, что эти истины начинает понимать средний слой рабочих, который до сих пор не понимал их. Важность событий в Руре заключается в том, что эти события поясняют толще германского народа, что только путь коммунизма правилен В чем была сила германских меньшевиков до сих пор? — В том, что они говорили: мы вам без гражданской войны, создадим сносную жизнь. Вы видите, в России была

гражданская война и что там получилось,—голод и т. д. Послушайтесь нас, и мы вам спокойно и мирно и восьмичасовый рабочий день завоюем и будем вести дело дальше. Наш путь экономнее, чем путь гражданской войны.“ И рабочие массы верили. Они были утомлены войной, им хотелось верить и они верили. Они думали, что их путь экономнее, чем наш. Но Рурские события доказали, как дважды два четыре, что нет более экономного, дешевого пути разрешения кризиса, как путь избранный нами, путь гражданской войны, Советской власти, прямой борьбы против буржуазии. В этом заключается главный смысл событий. Буржуазия держится ныне только тем, что укрывается за социал-демократией. Если бы остались с глазу на глаз рабочие и буржуазия, то рабочие могли бы их закидать шапками, но буржуазия держится тем, что есть этот пуховик, эта рыхлая социал-демократия—2-й и $2^1/_2$ Интернационал и меньшевистские профсоюзы. И этот пуховик укрывает буржуазию. Теперь, мне кажется, Рурскими событиями этот пуховик расстреливается в клочья. Эти события показывают даже слепому, заскорузлому, мещански настроенному, среднему полуобывателю, полурабочему, что единственный дешевый и экономный путь это тот, который избрала Россия. Как рассуждали мещански настроенные рабочие? — „Да, русские - герои, они сумели скинуть царя, они сидели по десяткам лет в тюрьмах, в Сибири, умеют голодать, умеют ле-

беду кушать и т. д., а мы, германские рабочие, не привыкли к этому, мы более грамотны, более цивилизованы, мы не можем так, чтобы и вши нас ели, и гражданская война свирепствовала, и т. д.“ Поэтому они хлопали нам, говорили — „да, они очень хорошие герои, но мы все-таки попробуем иначе, пойдем по более цивилизованному, спокойному пути.“ Теперь подводится определенный итог. Мы без всякого злорадства, с полной ясностью говорим теперь: ну-ка подсчитаем, какой путь более экономный, мы были вшивые, неграмотные, некультурные, но могут ли к нам послать черные войска в Петроград, пусть ка попробуют, это не так просто. Мы можем им сказать: вы, конечно, цивилизованнее, грамотнее нас, вы немцы и французы живете в центре Европы. Однако, вы теперь ложитесь спать и думаете: а завтра утром проснемся—и у нас новая империалистская война. Они действительно могут утром проснуться—и у них империалистская война, и их заставят сотни тысяч людей уложить. А у нас? Мы можем спокойно спать. Мы проснемся—и завтра, и послезавтра у нас империалистской войны не будет. Нас не так легко вовлечь в войну. Мы сами будем решать свою судьбу и, если воюем, то знаем за что. Мы можем им сказать: напрасно вы думаете, что русский человек любит лебеду. Русский человек тоже имеет хороший аппетит, он не всегда любит есть лебеду. Мы тоже предпочли бы в 1919 и 1920 гг. есть белый хлеб. Мы пред-

почли бы более легкую экономную дорогу, если бы эта дорога была, если бы действительно мы не видели ясно, как дважды два, что у нас есть единственный, хотя и очень тяжелый, крестный путь, тот путь, который мы избрали.

Главный смысл событий в том, что эта „бескровная“ Рурская война рассеивает иллюзии и последнего, отсталого, заскорузлого полумещанина рабочего социал-демократа. Надо сказать правду. Последние годы судьбы человечества более всего были в руках тех нескольких миллионов отсталых полурабочих-полумещан, которые поддерживают социал-демократию. Это была основная группировка, которая решала. Если она повернет направо, то буржуазия у власти, если чуть-чуть повернет налево к коммунистическому авангарду, то этот авангард свергает к чорту буржуазию. Эта средняя тяжелая масса решала все. И, товарищи, ее нельзя было прошибить речами и прокламациями. Вся тактика Коминтерна была направлена на мирную подготовительную систему долгой и упорной работы. И сейчас мы имеем честь принести глубочайшую благодарность г. Пуанкаре: председатель Коммунистического Интернационала приветствует председателя французской буржуазной республики за то, что он сделал для прояснения мозгов отсталых рабочих. Пуанкаре доказал, как дважды два четыре, что тот путь, который взят Коммунистическим Интернационалом, хотя и тернистый, но он избавит от гнета и своей

собственной буржуазии и чужой. Тот рабочий, который смотрел на нас сверху вниз, должен теперь посадить себе на шею не только своего собственного Стиннеса, но у него умещается наверху на плечах Стиннеса еще и Пуанкаре. Он должен кормить не только шайку германской буржуазии, но и кормить французскую буржуазию. Те роковые ошибки, за которые несет ответственность перед историей германская социал-демократия и II-й Интернационал, привели к тому, что их родину топчут сапоги французских генералов. Над ними не издевается только ленивый. Любой французский офицеришка может издеваться над лучшей частью германского народа—над рабочим классом. Германские и русские меньшевики смотрели на нас, как на грешников и мытарей, а посмотрите, куда привела их политика и куда привела наша политика. Наша политика через массу лишений, море страданий, бесконечное количество жертв привела к тому, что мы стоим на ногах, дело улучшается, все тяжелое остается позади, наша страна—родная нам мать, которую мы будем защищать до последней капли крови. А они оказались без отечества, без революционной партии, без завтрашнего дня. Их политика привела к тому, что целые страны разоряются, целые материки завтра обратят в море крови, если там не победит наша тактика—тактика Коммунистического Интернационала. И это теперь, как на громадном

транспаранте, читает весь рабочий класс мира. Рурские события завязали тугой узел, который придется разрубать Коммунистическому Интернационалу, стоящему во главе международного рабочего класса. И мы уверены, что мы его своевременно разрубим.

По серии литературно-художественной

Вышли из печати

Алексеев.—Явь. Роман в 2-х частьях.
Басов Верхоянцев.—Конек скакунок.
Иванов Вс. Бронепоезд № 1469.
„ —Партизаны.
Кряжин В.—Красный петух.—Мелодрама в 3-х действ. из эпохи великой французской революции.
Люксембург.—В. Короленко.
Неверов.—Смех и горе.—Комедия.
Новиков-Прибой.—Вековая тяжба. Рассказы.
Орешин.—Человек на льдине.—Рассказы.
„ Микула.—Поэма.
„ —На голодной земле.—Поэма.
Серафимович.—Бабья деревня.—Рассказы.
Синклер.—Джимми Хиггенс.—Роман.
Сосновский.—Рассея.
Пшебышевский.—Чтец декламатор.—На польском яз.
Фурманов.—Красный дессант.
Чунин.—Углекоп Корт.
Шенгелли.—Броненосец Потемкин.

Находятся в печати:

Андреев Л.—Красный смех. С иллюстрац. Ю. Анненкова.
Гамсун К.—Соки земли. Сокращ. перев. Жихаревой. С иллюстр. Добужинского.
Гюго В.—93 год. Сокращ. перев. Слонимского. С иллюстрац. Митрохина.
Келлерман.—9 ноября. Сокращ. перев. Выгодского. С иллюстрац. Левитского.
Маяковский.—Стихи о революции.
Лондон Дж.—Железная пята. Сокращ. перев. Губера. С иллюстр. Анненкова.
Попов.—Остров изобретателей.
Прокофьев.—Париж.
Фаррер Клод.—Остров большого колодца. Перев. с французского.
Франс А.—Боги жаждут. Сокращ. перев. Губера. С иллюстрац. Чехонина.
Франс А.—Бунт ангелов. Сокращ. перев. Губера. С иллюстрац. Чехонина.

К СОБЫТИЯМ В ГЕРМАНИИ

Вышла из печати:

А. Стоклицкий. — РУР.

Находятся в печати:

Павловский. Банкротство Германии.

Готовится к печати:

Майский. Современная Германия.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Москва Изд. «Красная Новь» при Главполитпросвете
Торговый Сектор Издательства: Москва, Милютинский пер. д. № 22, кв 43.
Экспедиция Издательства: Сретенка 8
Все издания имеются в книжном магазине «СЕРП и МОЛОТ» Театральная площ. 2-й дом Советов и во всех книжных магазинах г. Москвы.